

Жил – был Поэт. Серьёзный, настоящий, русский. И в поле, и в лесу он, как рыба в воде. Да и рыбку всякую знал, изловить умел. Язык птичий, звериный понимал и людскими владел: родным русским и вражьем – немецким. Вражьем, потому что в 1941 году гитлеровцы на его отчую псковскую землю пришли, и он, восемнадцатилетний (только-только исполнилось), против них с оружием встал, друзей за собой повёл. Сначала в плюское (п. Плюсса) подполье, потом в партизанский отряд под командованием Тимофея Ивановича Егорова. «Время-лихо, жуткое время, до предсмертного вздоха своего не перестану вспоминать о тебе! И у последней черты не отрекусь от ненависти к атрибутам фашистов, правильно – национал-социалистов: кровожадности, подлости, холуйству и шкурничеству», – писал Поэт в автобиографической повести «Всё перемелется».

И на войне, и в миру он рубашку последнюю не на словах, а на деле ближнему отдавал, куском хлеба, не раздумывая,

делился, жалел и солдатскую вдову с детишками, и цыганку с голодной ребяtnей, и погорельца, и собрата по перу – отдавал свою инвалидную пенсию до копейки.

Война по судьбе Поэта так прошла, что израненное его тело осколки от снарядов на долгие годы в себе затаило, память жестоким пламенем всю жизнь жгла, душа изболелась до доньшка, а мучительные его стоны метельными стихами на бумагу ложились. «Зажги вьюгу!» – «Горит вьюга!» – этот партизанский пароль вьюжил на книжных страницах поэта Игоря Григорьева от первого его сборника «Родимые дали» (Л.: Лениздат, 1960.) до последнего «Боль» (СПб, 1995).

...Но мы слышим, слышим, слышим
Жаркий голос русской вьюги.

Да! Мы дышим, дышим, дышим –
Копим жилистые руки.

(«Непокорство», 1942)

Издавались, разлетались по стране сборники стихов, а редакторы, издатели, критики, литературоведы думу думали: «Кто же этот Игорь Григорьев такой? Может, новый Есенин? Фет? Тютчев? Блок? А может, вовсе и не поэт он?»

Думали, а что ответить не знали. Кто-то даже «русопятство» и «сомнительный идеологический крен» в стихах высмотрел. Потому решили, что лучше промолчать... Молчали. Лишь изредка смелый голос одиноко раздавался: «Стихи Игоря Григорьева – это он сам. Вся его нелёгкая жизнь вложена в его творчество без прикрас, без обиняков, без ссылок на лирического героя. И почти каждая его строчка заряжена, как боевой патрон, взрывчаткой, начинена горячим чувством и животрепещущей мыслью, нацелена в будущее, расчищает ему тернистую дорогу. За это поэзию Игоря Григорьева принимают близко к сердцу люди, любящие Родину, болеющие за судьбу земли. Им по душе и темы его, и образы, и манера письма. Им нужны его отзывчивые, полные доброй веры в жизнь и в человека стихи», – писал литературовед Владислав Шошин во вступительной статье к сборнику «Сердце и меч» в 1965 году.

Известный поэт Виктор Боков вторит в статье к книге «Красуха»: «Григорьев не любит сюсюкать. Лира его опале-

на порохом, мужественность его поэзии особенно слышится в его стихах о войне».

И снова В. Шошин: «...но ведь это надо уметь – ощущать мир первозданным, заново, может быть, лишь для тебя только что возникшим! И надо уметь также, когда ясный мир затуманится, посуровеет, полной отдачей сердца стиху даже из самого кремневого читателя высечь искру кратким словом...»

Вот так и жил-был Поэт. Серьёзный, настоящий, русский. А редакторы, издатели, критики, литературоведы молчали. Не могли они знать тогда, кто же он, Игорь Николаевич Григорьев? А потом его не стало. Ушёл 16 января 1996 года. Дни, месяцы, годы, словно засохшие листья, осыпались, укрывая могилу и память о нём...

Наступила зима с гудящими вьюгами, тяжёлыми сугробами, жгучими морозами.

Снежная держава. Как валы сугробы:
На сыпучих гребнях вьются волчьи тропы.
Жить беда в сугробах: долго ль заблудиться,
Оступиться, сгинуть, сердцем просквозиться.

Ох, простого проще в дикой снеговерти
Разучиться верить, напугаться смерти,
Позабыть о вёснах в сумерках унылых,
Выпустить оружие из ладоней стылых...

(«В сугробах»)

Только пробился вдруг сквозь снеговую завесу григорьевский призыв: «Зажги вьюгу!». И отозвалась душа: «Горит вьюга!». И заплясал, запел весенний пламень – пробудилась земля, рассеялись тучи, потекли ручьями снега, затрепетали в небе звонкие жаворонки... И поднялся во весь рост русский богатырь – Поэт Игорь Григорьев!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Целых двадцать лет прошло до первой весенней капли – о поэте заговорили, его книги стали переиздаваться, волной прокатились по городам России и Белоруссии вечера памяти, завершившиеся в 2013 году в Александро-Невской Лавре (г. Санкт-Петербург).

Весна набирала силу. В 2014 году – Первые международные чтения им. Игоря Григорьева «Слово. Отечество. Вера» в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН на невских берегах собрали учёных-филологов, писателей, общественных деятелей, заявивших, что «...творчество Игоря Григорьева – новое слово в литературе <...> К сожалению, <...> надо признаться, что русские пока не научились оберегать свое культурное наследие. <...> Иметь поэта такого класса и калибра просто честь для любой литературы мира. Мы имеем – и при этом как бы не имеем, не больно?» (А. Н. Андреев). Но речь шла не только о Григорьеве. При жизни Игорь Николаевич умел поддерживать, зажечь на творчество талантливых литераторов – теперь Чтения его имени поставили задачу вспомнить забытых, недооцененных в своё время поэтов предвоенного поколения.

В этот год на международный конкурс лирико-патриотической поэзии им. И. Григорьева «Я не мыслю себя без России» поступило две с половиной тысячи стихов из различных регионов России, из Германии, Италии, Бельгии, Белоруссии, Болгарии, Израиля, Казахстана, Молдовы, Украины. Конкурс стал ежегодным, обновлялись лишь его названия – строчками из стихов Поэта: «Ничего душе не надо, кроме родины и неба» (2015); «Душа добру открыла двери» (2016); «Только б русскую душу на ветер не пустить – ни про что – в никуда!» (2017).

В 2018 году конкурс назывался «На всех одна земная ось». Его итоги были объявлены на Третьих научно-литературных чтениях им. Игоря Григорьева «Слово. Отечество. Вера», состоявшихся 20 ноября в Пушкинском Доме. Снова более 500 участников из разных стран мира! Жюри из 15 человек, известных поэтов России, Белоруссии, Украины под председательством сына поэта – писателя, доктора медицинских наук, доктора богословия, профессора, настоятеля храма Рождества Иоанна Предтечи в Юкках Ленинградской области о. Григория Григорьева – составило список финалистов из 64 участников. Определило 15 лауреатов и 7 победителей, в том числе – в номинации «Шагай смелей, лиха беда начало!». Юным победителем стал Артём Палкин из города Лысьва Пермского края.

Первого места среди взрослых конкурсантов удостоена Татьяна Ивановна Сушенцова из Казани. Второе разделили Никита Юрьевич Брагин (г. Москва) и Владимир Евгеньевич

Сорочкин (г. Брянск). Третье место досталось Ирине Семёновне Катченковой (г. Санкт-Петербург), Инне Николаевне Фроловой (г. Минск, Беларусь) и Дзутцеву (Лев Стологоров) Леониду Борисовичу (г. Владикавказ).

Учёные-филологи и писатели из Нижнего Новгорода (Захарова В.Т.), из белорусского Витебска (Зайцева И.П.), из Москвы (Андреев А.Н., Сычёва Л.А., Кирюшин В.Ф., Ольхин А.С.), с Украины (Вареник Н.В.), из Белгорода (Кириченко Ю.С. и Бекорюкова Е.А.), из Петербурга (Корсунская А.Г., Козлов А.Ю., Андрюшкин А.П., Орлов Б.А., Любомудров А.М., Григорьева Д.Г.), из Пскова (Пителина Н.А., Васильев В.В.) вели разговор о Слове, языке, душе, Родине, обсуждая проблему русской культуры и национального самосознания в эпоху кризиса в свете творчества Игоря Николаевича Григорьева.

...Поэт, в военной гимнастёрке, с орденом на груди, с георгиевской ленточкой, приколотой к его портрету, задумчиво смотрел на участников конференции и, казалось, видел даль, ту даль, которая пока недоступна нашему, улавливающему лишь ноябрьскую непогоду за окном, взору, но которую предчувствует душа русского человека.

...Застыну, оттаяв над бездною гладкой,
Поверю в весеннюю Русь...

(«Тебя принимая, себя не жалею»)